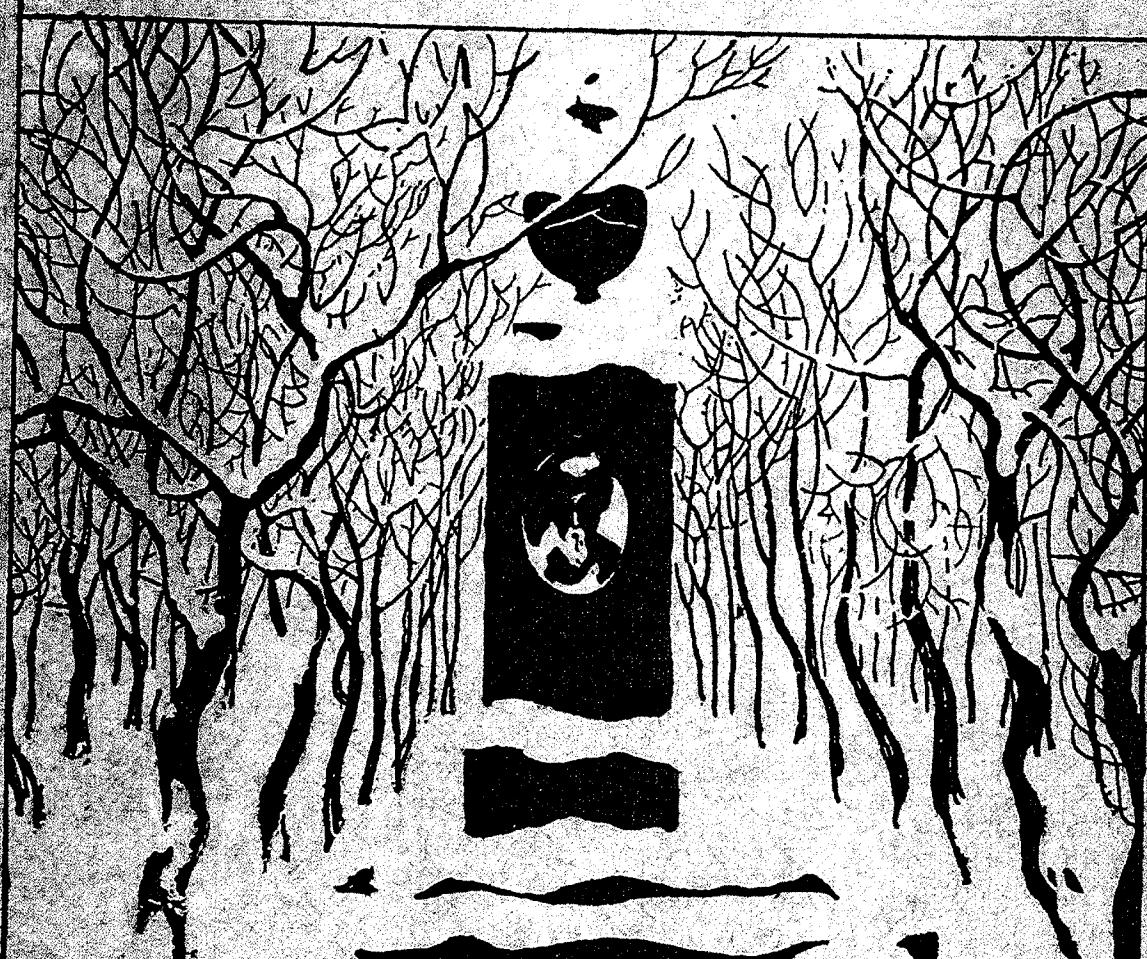

**Смерть
Андрея Белого
(1880–1934)**

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЗОРНИЕ

[ОБ АНДРЕЕ БЕЛОМ]
Наброски воспоминаний

«Умер Андрей Белый!» — пришли и сказали...

— «Где?»

— «В Москве!»

Странно, чуждо звучат слова и лишь постепенно начинают принимать очертания, получают смысл. Медленно проникает грусть в сознание, в усталое от [каждодневной борьбы] эмигрантской жизни, от мелкого берлинского дождика, от серого точно асфальт неба, сознание. И воспоминания [загораются яркими огнями] поднимаются, ширятся, вытесняя будничную действительность.

12 лет тому назад. Кафэ Ландграф, собрание так называемого Берлинского «Дома Искусств<a>¹. Я только что из России, совсем новичок, читаю свои стихи² и вдруг вижу: входит Андрей Белый. У меня падает сердце и становится невыносимо жутко. «Андрей Белый», автор романа «Петербург», символист, как же я буду читать свои стихи перед ним дальше, но оборвать нельзя, волнуясь и продолжаю. [А когда я оканчиваю, то ко мне пробирается] И, или мне это только кажется, Андрей Белый улыбается (а улыбка у него была неповторимая, чуть растерянная, чуть детская, и глаза глубоко сидящие начинали тогда светиться внутренним светом) и подходит ко мне, просто совсем руку жмет и говорит: «Принесите стихи, может быть, в журнале поместим...»³ И помню я до сих пор, было у меня чувство благоговения, большой радости и... гордости: говорил со мной «сам Андрей Белый!»⁴

* * *

Дом напротив «Ka de We»⁵ третий этаж, поднимаюсь по лестнице, звоню [у двери] к фрау Дальберт⁶. Герр Бугаев... стучу в дверь слева. Недовольное «Войдите!». Робко отворяю дверь, в углу у письменного стола, в черной ермолке на голове, Борис Николаевич Бугаев, углубленный в рукописи. [При скрипке отворяющей двери,] при виде меня вскакивает, полусконфуженно, полурассерженно сбрасывает ермолку: «Ах, это вы!» Я еще больше смущаюсь, спрашиваю, не мешаю ли... [не уйти ли мне лучше]. Борис Николаевич берет мои стихи, просит зайти через неделю за ответом. Во все время разговора он меня вовсе не замечает, [мысли его далеко-далеко где-то] он где-то далеко. Мой быстрый уход ему явно приятен. А следующий раз я попадаю к нему удачно, он усаживает меня в кресло, говорит со мной ласково [спрашивает]; он устал от писателей и издателей, он радуется тому, что я молода и принесла с собой свежесть морозного снежного вечера и тому, что не надо говорить со мной о серьезных проблемах...

Мы стали друзьями. Это было чем-то вроде сна, в который было трудно поверить. Я приходила к фрау Дальберт и Борис Николаевич [говорил со мной] рассказывал о себе, о своей [жизни] работе, читал мне свои произведения, выслушивал мои стихи⁷. И был всегда прост, бесконечно скромен и добр в своих суждениях, у него никогда не было желания убить в человеке [молодежи] стремление писать, он [всегда] поощрял, советовал работать, радовался успехам. Но дружба с ним не всегда была приятной [легкой], днями все шло хорошо, казалось, Борис Николаевич совсем прост, и я его чудесно знаю, он слегка беспомощен, рассеян; [он радовался моим приходам, я даже смела его немного опекать,] спрашивавший, обедал ли он, не поздно ли лег спать и т.д. и т.д. И вдруг, когда я меньше всего могла этого ожидать, меня встречал совершенно чужой человек, холодный и раздраженный, возмущенный тем, что кто-то осмеливается его беспокоить, отнимать его время <нрзб.> ненужными разговорами. [**В таких? — нрзб.**] случаях мне объявлялось: [**В такие? — нрзб.**] дни он объявлял: «Я теперь очень занят и прошу ко мне эти дни не приходить».

Помню, как я в начале нашего знакомства [плакала и] все искала в себе вину. Но вины не было... Только на пути моем скромном встретился [мне] человек гениальный, особенный, сам в своем «я» еще крупнее еще гениальнее своих произведений, такой большой, что нельзя было к нему подходить с меркой обыкновенно человеческой. Не было предела взлетам и безднам его души, не было у него покоя. Видится он мне там [сейчас] идущим по полю, [ведущему от Цоссена⁸ к местному вокзалу, к Цоссеновскому деревенскому вокзальчику]. Ветер размахивает фалдами его пальто, **<завитки? — нрзб.** седых кудрей развиваются, глаза глядят в даль [бесконечную,] на лице страдание, обреченность и одиночество. /Не найдя и там внутренней гармонии и примирения, спасаясь от своей душевной трагедии, он оттуда бежал*

Поселился на Stubenrauchstrasse⁹ (на улицу только она вовсе не походила), там, в примитивном домике, писал стихи «Разлука»¹⁰. Искал успокоения, примирения, выхода в звуках. Он бежал к морю, в Свинемюнде. [Встретились мы снова в Свинемюнде¹¹, там он был опять иным.] Лежал часами на солнце, искал отдыха в горячем песке [увлекался морскими купаниями и солнцем]¹².

И снова Берлин¹³, это был период, когда Андрей Белый писал «Воспоминания о Блоке», он многое читал мне [оттуда] вслух, он чудесно читал, он многое пояснял, добавлял своими словами, все принимало плоть и кровь в его описаниях, оттого что все освещалось тем внутренним светом, который излучался из него [от него] и отражался в его глазах¹⁴. Однажды на Рождество я принесла ему маленькую елку, он был так искренно рад ей [и, помнится, объяснял значение елки...]. Не мог смириться Борис Николаевич Бугаев с берлинскими асфальтами, с подземными железными дорогами, с довольными мещанами, или просто надрыв его души, внутренняя трагедия, отчаяние все больше нарастали и становились все мучительней. Должен был [он] снова уйти в Россию, снова чувствовать русскую

* [Еще несколько слов о] Цоссене. [Это] час езды от Берлина, [и] ничего там нет, кроме одного кабака да маленького вокзала, а от вокзала шоссе [Stubenrauchstrasse, только на улицу она никак не была похожа, еще большой кусок ходьбы полем,] и природа бедная, и людей почти не встречаешь. Туда уехал [бежал] ранней весной Борис Николаевич от Берлина /с собраниями, встречами, разговорами и шутками/(вставка в конце рукописи).

почву, русский ветер. Быть может, он там надеялся приобрести свой внутренний покой и примирение.

День был осенний. Людей провожающих на вокзале *Zo<o>¹⁵* не много. Шум поездов. [Поезда шумели, чиновники выкрикивали <нфзб., уезжающие волновались]. Борис Николаевич Бугаев тоже волнуется и торопится, боится забыть что-нибудь из вещей [багажа], в руке [был] дорожный плед, ночь, видно, провел плохо, лицо [было] серое, выражение усталое, простились наскоро. Поезд тронулся. Локомотив запыхтел, обдавая белыми густыми облаками, быстрее, быстрее стали исчезать вагоны [, унося с собой среди других пассажиров...].

Я не думала тогда, что больше никогда не увижу Бориса Николаевича Бугаева, Андрея Белого [Остались у меня надписи на книгах¹⁶, одно письмо из Цоссена¹⁷ и воспоминания].

Послесловие

Вера Осиповна (Иосифовна) Лурье родилась в Санкт-Петербурге 21 апреля 1901 г. До девятого класса она училась в гимназии Л.Ц. Таганцевой, после Октябрьской революции занималась в студиях Н.Н. Евреинова и Н.С. Гумилева при Доме Искусств. Принадлежала к группе молодых поэтов «Звучащая раковина», учеников Н.С. Гумилева. В сборнике «Звучащая раковина» (Пб., 1922. С. 29–31) Вера Лурье дебютировала как поэт со стихотворениями «От бессонницы ломит тело...», «Церковь из солнца сквозная...» и «Рояль – в тюрьме бренчат оковы...». Больше в России вплоть до начала 1990-х ее не публиковали.

Вместе с семьей Вера Лурье уехала из Петербурга осенью 1921 г. и вскоре оказалась в Берлине, где в январе 1922 г. на собрании берлинского Дома Искусств произошло ее знакомство с Борисом Николаевичем Бугаевым, ставшее началом их недолгой дружбы, или, по словам Веры, «своего рода романа». «Белый был очень знаменит в России, и он был недосягаемой знаменитостью... – вспоминала она впоследствии. – Я бывала у него почти ежедневно: подавала ему чай, штопала его носки. Я чувствовала себя ужасно влюбленной. Теперь, когда все кануло в прошлое, я думаю, что мое чувство к Белому было не любовью, а уважением к такой литературной величине, гордостью и счастьем быть замеченной такой знаменитостьюⁱ. Самоотверженность молодой поэтессы была отмечена, в частности, В.Ф. Ходасевичем, писавшим о Белом в Берлине: «Его охраняли, за ним ухаживали: одни из любопытства, другие – с истинною любовью. Из таких людей, опекавших его самоотверженно и любовно, хочу я назвать двоих: С.Г. Каптуна (Сумского), его тогдашнего издателя, и поэтессу Веру Лурье. К несчастию, он был упрямее и сильнее всех своих опекунов, вместе взятых»ⁱⁱ.

Свою литературную карьеру в Берлине Вера Лурье начала публикацией в газете «Голос России» стихотворений: «Не нужны мне доклады и споры...» и «Утро пахнет криком петушиным...» (1922. № 959. 7 мая). И уже вскоре в «Новой русской книге» сообщалось, что она «Приготовила к печати сборник стихов»

ⁱ Из воспоминаний Веры Иосифовны Лурье // Континент. 1990. № 62. С. 243.
ⁱⁱ Ходасевич В.Ф. Некрополь // Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 61.

(1922. № 7. С. 33). Правда, выхода этого сборника ей пришлось ждать долго – до 1987 г.ⁱ

Ряд стихов посвятила она Андрею Беломуⁱⁱ, но только одно из них было опубликовано при его жизни:

Посвящается Б.Н.Б.

Без крыльев дух томится о свободе
(А в клетке-телье тесно и темно).
Он звонкой песней в тишину исходит,
Когда рассвет глядит уже в окно.

Бессонной ночью чище и прозрачней
Моя любовь, ненужная тебе...
А в небе светлом золотые мачты
Поплыли вдали, покорные судьбе.

Как этот мир отличен от дневного.
Покой и радость в щебетанье птиц,
А в жизни суетной мельканье снова
Событий смутных и ненужных лицⁱⁱⁱ.

Примечательно, что юная поэтесса, назвав Белого «бескрылым духом, томящимся о свободе», почувствовала в маститом писателе то же, что потом описала в мемуарах «Пленный дух» Марина Цветаева...

Публиковала Вера Лурье на страницах берлинской периодики не только стихи, но и рецензии. Ее перу принадлежат четыре рецензии на произведения Белого^{iv}.

Отношения Веры Лурье с Андреем Белым завершились с отъездом писателя в ноябре 1923 г. в Россию.

Вера, оставшись в Берлине, писала мало и еще меньше печаталась (всего пару стихотворений в 1933 г.). В 1938 г. она была арестована гестапо, но скоро освобождена. Ее мать провела военные годы в лагере Терезиенштадт, но выжила и после войны вернулась в Берлин. В 1950-х Вера написала ряд статей и опубликовала несколько стихотворений в парижской газете «Русская мысль», но после смерти матери в 1958 г. опять замолчала. Только в 1980-е она снова начала сочинять стихи. Вера Лурье скончалась в Берлине 11 сентября 1998 г. и была похоронена на кладбище Friedhof Luisen III (Fürstenbrunner Weg 37–67, 14059 Berlin).

Мемуарное наследие Веры Лурье еще в полном объеме не изучено. К работе над воспоминаниями она обратилась уже в послевоенные годы, видимо, в 1950-е. В то

ⁱ См.: *Louise V. Stichotvoreniya*. Edited with an introduction by Thomas R. Beyer, Jr. Veröffentlichungen der Osteuropa-Abteilung, Band 8. Berlin: Berlin Verlag Arno Spitz. 1987 (со вступит. статьей и библиографией).

ⁱⁱ Более подробно о ее стихах, посвященных Белому, см.: *Байер Т. Вера Осиповна Лурье и Борис Николаевич Бугаев // Андрей Белый в изменяющемся мире*. М., 2008. С. 125–136; *Байер Т. 27-го октября 1922: Забытая страница. Вера Осиповна Лурье и Борис Николаевич Бугаев*. <http://community.middlebury.edu/~fbeyer/veralourie/index.htm>.

ⁱⁱⁱ Дни. 1923. 9 сентября. С. 9.

^{iv} Глоссалалия [sic] // Дни. 1922. 12 ноября. С. 12; Эпопея № 2 // Дни. 1922. 19 ноября. С. 12; После разлуки // Новая русская книга. 1922. № 10. С. 12; Серебряный голубь // Дни. 1923. 7 января. С. 11.

время она писала уже преимущественно по-немецки. В 1980-х встречи и перепись с западными славистами побудили ее создать на русском сокращенные варианты мемуаров, написанных по-немецки¹. В обеих публикациях разделы о Белом входят к впервые публикуемым выше мемуарным заметкам, написанным Верой Лурье вскоре после получения из Москвы известия о смерти писателя в январе 1934 г. Ее «немецкие» мемуары еще ждут перевода и публикации.

Черновая рукопись воспоминаний находится в: Stiftung Archiv der Akademie der Künste, Robert-Koch platz 10, 10115 Berlin (Archiv Vera Lourie, Kasten 2, № 6). Она представляет собой пять страниц текста, написанного карандашом, с многочисленными зачеркваниями и вставками. Зачеркнутые фрагменты, существенно отличающиеся от основного текста, помещены в квадратные скобки; трудночитаемые места — в угловые скобки.

¹ В конце 1921 г., вскоре после приезда в Берлин, Белый вместе с другими литераторами, в том числе А.М. Ремизовым, А.Н. Толстым, А.С. Ященко, создали по образцу петроградского Дома Искусств берлинский Дом Искусств (Белый стал членом его Совета). Собрания проходили в кафе «Ландграф» (Landgraf, Kurfürstenstrasse, 75). См.: Beyer T. The Russian House of the Arts and Writers' Club: Berlin 1921–1923 / Russian Berlin: Publishers and Writers. Berlin, 1987. С. 9–38.

² Ср.: «От кого-то я узнала, что в кафе "Ландграф" на площади Нолендорф раз в неделю проводятся русские литературные вечера под названием "Дом Искусства". Однажды меня пригласили на вечер, где я должна была выступить с докладом о петроградском Цехе поэтов и о "Звучащей раковине" (так называли себя студии Гумилева). Кафе было переполнено. Председательствовал поэт Минский. Это был среднего роста, с довольно значительным брюшком, добродушный человек с лысиной, обрамленной седыми локончиками. Рядом с ним в президиуме сидела пожилая переводчица госпожа Венгерова. Стоя посередине зала, я рассказывала о творчестве петроградских поэтов, о "Доме Искусства" в Петрограде, о Гумилеве, о его студии. Рассказала и об аресте и гибели Гумилева, о смерти Блока. После доклада я прочитала несколько своих стихотворений петроградского периода» (Из воспоминаний Веры Иосифовны Лурье / Публ. Р. Герра // Континент. 1990. № 62. С. 243).

³ Ср.: «Итак, Белый подошел ко мне и попросил принести ему для литературного журнала "Эпоха", редактором которого он являлся, мои стихи. Издавал журнал Абрам Вишняк. <...> Вишняк, однако, заявил, что в его журнале мои стихи напечатаны не будут. Это было большим разочарованием. Только что я испытала такой восторг и такую гордость! В утешение Вишняк обещал подарить мне флакон духов, от чего я, разумеется, с возмущением отказалась. В 22 года я была еще наивной и очень гордой. Во всяком случае, так началась моя дружба с Андреем Белым» (Там же).

⁴ Вариант этого эпизода, записанный Верой Лурье на последнем листе мемуаров: «12 лет тому назад: накуренное, душное помещение кафе [неуютного]. Много народа, много известных писателей, художников, общественных деятелей. Я только что из Петрограда. Мне все ново в этом Берлинском "Доме Искусства". Вдруг, задвигав [заколыхав] тяжелой красной портьерой, кто-то входит. Я его видела раньше только на фотографиях,

¹ См.: Из воспоминаний Веры Иосифовны Лурье / Публ. Ренэ Герра // Континент. 1990. № 62. С. 243; Лурье Вера. Воспоминания / Публ. Г. Поляка // Новый журнал. Декабрь. 1996. С. 165–166.

но узнаю сразу — это Андрей Белый. И перед ним я буду читать свои стихи, перед ним, перед автором "Петербурга" у меня чувство неловкости и волнения...

Андрей Белый продвигается ко мне, идет слегка бочком, на нем черный сюртук и на месте галстука черный огромный [атласный] шелковый бант. А на лице улыбка единственная, неповторимая, чуть растерянная, чуть детская, и глаза, небольшие и глубоко всаженные, светлые, светятся внутренним светом. Подходит ко мне, просто совсем представляется, жмет руку: "принесите, — говорит, — стихи для журнала!" [Я остаюсь стоять на месте ошеломленная.] Я так ошеломлена, что не нахожу слов для ответа. И помню, осталось у меня после этого вечера, когда я впервые видела Андрея Белого и говорила с ним, чувство настоящего благовения и... большой гордости».

⁵ KaDeWe (аббревиатура от «Kaufhof des Westens» (нем.) — «Универсальный магазин Запада») — крупнейший универсальный магазин Берлина; основан в 1907 г., находится на Wittenberg Platz.

⁶ Белый жил на Passauer Strasse, 3, в квартире бывшей жены Эугена д'Альбера (1864–1932). Ср. в его письме матери от 6 марта 1922 г.: «Внешне я очень хорошо устроился; хозяйка, очень культурная дама, профессор пения, M-me d'Albert, жена (вторая и бывшая) известного пианиста д'Альбер, за мной хорошо ухаживает» (цит. по: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 237).

⁷ Ср.: «Там он писал свои воспоминания о Блоке. В то время я бывала у него почти ежедневно. Дома он носил на голове обыкновенно черную ермолку. Он легко мерз и пил много горячего чаю. Читал мне вслух свои воспоминания о Блоке <...>. Он мне также много рассказывал о юноше Блоке и о своей дружбе с ним, о том, как он, Белый, полюбил жену Блока, о том, как потом они с Блоком отошли один от другого. Белый также много говорил о творчестве Блока и о происхождении Незнамки. В эту же эпоху он объяснил мне значение и смысл своей книги "Глоссолалия", как раз появившейся в печати. Белый был антропософом. Об этом движении он тоже говорил со мною. Помнится мне, как однажды я застала Бориса Николаевича совершенно больным и расстроенным, на мои вопросы, что с ним случилось, он рассказал мне совершенно серьезно, что так как в Дорнахе сгорел купол антропософского храма, в котором была заложена его голова, то теперь с ним должно непременно случиться большое несчастье. Так суеверен он был» (Лурье Вера. Воспоминания / Публ. Г. Поляка) // Новый журнал. Декабрь. 1996. С. 165–166). Или: «В то время Белый работал над "Воспоминаниями о Блоке", переделывал и сокращал свой "Петербург", писал книгу "Глоссолалия", мало понятную для рядового читателя. Мне же Белый так ясно и подробно изложил ее смысл, что я смогла написать на книгу рецензию, опубликованную в "Днях", что сильно изумило моих знакомых» (Континент. С. 244). См. рецензию Веры Лурье на «Глоссолалию» в газете «Дни» (1922. 12 ноября. С. 12).

⁸ В начале мая 1922 г. Белый по совету врача переезжает в пригород Берлина Цоссен (Zossen) и живет там два месяца. Ср.: «Несколько раз ездила и я в Цоссен. Тогда туда ходил еще паровоз, который тащился целый час. Путь от станции до дома, в котором жил Белый, пролегал по полю и был обсыпан фруктовыми деревьями. От всего этого времени остались в памяти невзрачный домишко, холодная пустая комната, седая и бесцветная, как и ее платье, хозяйка дома» (Континент. С. 245). Или: «Однажды весною Андрею Белому все надоело. Берлин и окружающие его люди, и он исчез с берлинского горизонта. После долгих исканий мне удалось разыскать его в Цоссене, в маленьком местечке, час езды поездом от Берлина. Там он поселился в двухкомнатном домишке у простой пожилой нем-

ки. Несколько раз я его там навещала. Помнится, что от вокзала надо было еще идти довольно долго по раскаленному от солнца пыльному деревенскому шоссе» (Новый журнал. С. 166).

⁹ Адрес «Stubenrauchstrasse 68 bei Lai» Белый указывает в своей кн. «Одна из обителей царства теней» (С. 63).

¹⁰ Мемуаристка путает книгу стихов М.И. Цветаевой «Разлука» (М.; Берлин: Геликон, 1922) со сборником Белого «После разлуки: Берлинский песенник» (Пб.; Берлин: Эпоха, 1922). См. рецензию Веры Лурье на сб. «После разлуки» в «Новой русской книге» (1922. № 10. С. 12). Ср. также запись в РДо мае 1922 г.: «Видаюсь часто с В. Лурье <...>, Мариной Цветаевой: пишу рецензии и фельетон (в газеты). Под конец месяца овладевает личное лирическое настроение: начинаю писать стихи цикла "После разлуки". (Л. 113 об.). Белый получил сборник «Разлука» от Цветаевой в мае 1922 г. и написал на него рецензию для газеты «Голос России» (1922. 21 мая. № 971. С. 7–8). См. историю этой встречи поэтов в: Beyer T. Marina Cvetaeva and Andrej Belyj: Razluka and Posle Razluki // Wiener Slawistischer Almanach. 1995. № 35. S. 97–132. (<http://community.middlebury.edu/sbeyer/articlespdf/CvetaevaART.pdf>).

¹¹ На Балтийском побережье, в Свинемюнде (Swinemünde), немецком курорте на острове Узедом, Белый отдыхал с начала июля до начала сентября 1922 г. В 1945 г. территория перешла к Польше, переименована в Свиноуйсьце (Swinoujście).

¹² Ср.: «Однажды Белый поехал в Свинемюнде, курортный городок на Балтийском море. Я последовала за ним. В городке было кафе, которое охотно посещали отдыхающие, по вечерам публике предлагались небольшие концерты типа варьете. Однажды во время выступления фокусника со сложными математическими трюками Белый, поднявшись со своего места, хладнокровно развенчал фокусы незадачливого артиста, математически доказав публике его обман. Мне показалось это слишком жестоким. (Континент. С. 245).

¹³ Вернувшись в Берлин 6 сентября 1922 г., Белый поселился вместе с В.Ф. Ходасевичем, Н.Н. Берберовой и другими в пансионе Крампеле (Crampe Pension) на Viktoria-Luisen-Platz, 9. Ср.: «После Свинемюнде я с Белым уже мало встречалась. Приехала из Москвы одна антропософка, его большой старый друг, и у него не было ни интереса, ни времени со мною встречаться. Незадолго до его отъезда на родину я увидела его на улице, он обращался, звал зайти. (Новый журнал. С. 167); «Наши отношения начали сходить на нет с приездом из Москвы антропософки Васильевой, будущей жены Белого» (Континент. С. 245).

¹⁴ Ср.: «Как-то, прия к нему, застала его в очень расстроеннном состоянии. «Что случилось, Борис Николаевич?» Оказывается, в Дорнахе произошел пожар, сгорел купол Гетеанума, а в нем, как утверждал Белый, находилась его голова, и теперь ему предстояло или тяжело заболеть, или даже умереть. Как я ни старалась убедить его в нелепости этих опасений, он долго не мог успокоиться» (Континент. С. 245). Белый написал о произошедшем пожаре статью «Гетеанум» (Дни. 1923. 27 февраля. С. 6–7). См. также ее републикацию: «Andrej Belyj's "Geteanum"» (Andrej Belyj Society Newsletter. 1984. III. P. 18–27) и на сайте: <http://community.middlebury.edu/sbeyer/BelyBull/index.html>.

¹⁵ Bahnhof Berlin Zoologischer Garten (Bahnhof Zoo) на Hardenbergplatz, 8. Один из вокзалов Берлина, находится рядом со знаменитым зоопарком (Zoo), с 1884 г. принимал поезда дальнего следования, с 2006 г. используется только для пригородных и внутригородских поездов.

¹⁶ Книги с дарственными надписями Белого были проданы В.О. Лурье и находятся в частных собраниях. У нее в 1984 г. остался лишь оттиск из журнала «Современные записки» (1922. № 12. С. 99–115) с отрывком из повести «Преступление Николая Летаева» (глава «Агуро-Мазда») с автографом: «Милой Вере Иосифовне Лурье, в знак искренней любви, Андрей Белый, 8 января 1923 года». Я благодарен Ренэ Герра, который сделал фотокопию автографа на книге «Глоссолалия»: «Дорогой милой Вере Иосифовне Лурье, с большой любовью, Андрей Белый, 25 сентября Берлин 22 года».

¹⁷ Н.Н. Берберова цитирует это письмо в мемуарах: «Дорогой Борис Николаевич, честное слово мне давно надоело сердиться. Отчего Вы не приходите в Клуб писателей? Отчего Вы такой недобрый? Раньше Вы сами говорили, что я хорошая, а как только я немножко раскаянничалась, сразу рассердились, как будто я взрослая — на самом деле право я только глупый ребенок, искренне к Вам привязанный. Скучаю я о Вас очень и не меньше о всех вещах в Вашей комнате, я так привыкла за время Вашей болезни хозяйствовать и чувствовать себя у Вас, как дома. Мне было невыносимо, что кто-нибудь имеет право быть ближе к Вам, за это не надо на меня, Борис Николаевич, сердиться. Мне эти дни особенно без Вас грустно, как раз с тех пор, как мы познакомились и я все помню по дням и часам... Милый, хороший Борис Николаевич, простите, что я пишу Вам такой вздор, но я абсолютно писать не умею, как Ваше здоровье? Надеюсь, совсем хорошо. Раньше хотела просто к Вам забежать, но побоялась. Вера» (Берберова Н. Курсив мой. Автобиография: В 2 т. N-Y, 1983. Т. 1. С. 190–191). Местонахождение письма неизвестно. Среди бумаг Н.Н. Берберовой в архиве Йельского университета его нет. Упоминаемый в письме «Клуб писателей» был основан в Берлине в ноябре 1922 г.

Подготовка текста, комментарии и послесловие Томаса Байера (США)